

Л. В. ПУМПЯНСКИЙ

Об оде А. Пушкина «Памятник»

1

Ни в одной литературе Горацийев «Памятник» не сыграл такой роли, как в русской; «Памятников» написаны были сотни — французских, итальянских, английских, немецких; сколько в одной немецкой литературе XVIII в., когда an seinen Oden «versuchte sich alles was reimen und nicht reimen konnte» *, когда его издавали, комментировали, изучали его [Горация] жизнь, подражали его подражателям (Бальде и Сарбевскому), когда Уц и Глейм лишь робко напоминали иногда про Петрарку **. Сколько одних переводов, сначала таких, как вейднеровский, потом рамлеров, гердеров, фоссов, виландов и пр. *** Каждое пятилетие хочет иметь своего Горация; гораццианское воспитание нескольких поколений! Конечно, все они переводили сотни раз ehexi monument' **** и перелагали его — между тем вся эта громадная работа не привела ни к одному «Памятнику», стоящему в центре классической немецкой поэзии, как пушкинский; у Шиллера и Гете вовсе нет «Памятника» (и, кажется, нет вовсе стихотворения, где была бы поставлена та же тема); в России же рамлеровский Гораций, усвоенный Державиным в 1779 г. ¹, привел к созданию бессмертной оды 1796 г. и — 1836 г. Почему? Еще затруднение: Россия не знала прямой гораццианской культуры (Державин не знал латинского языка и лишь по немецким переводам и сове-

* *Gervinus G. G. Geschichte der poetischen Nationalliteratur der Deutschen. Lps., 1840. Bd. IV. S. 202* (На его одах «пробовал свои силы всякий, кто мог (или не мог) рифмовать»; *нем. — Сост.*).

** *Ibid. S. 203.*

*** *Ibid.*

**** «Я соорудил памятник» (*Гораций. Оды. Кн. III, 30.*) — *Сост.*

там кружка друзей...), гораціанской школы (как в Германии и романских странах, особенно с иезуитов). Но главное: державинская ода 1796 г. еще понятна, потому что Державин вообще, кроме од, почти ничего не писал, — но как Пушкин вернулся к Горацию после того, как он так далеко отошел от оды, усвоил новую поэму — шекспировскую трагедию — новый роман? У Горация «Памятник» включает книгу од, у Пушкина — книгу, в которой «Цыганы», «Евгений Онегин», «Моцарт и Сальери», «Капитанская дочка» ...; там ода об одах (или главным образом об одах), здесь ода о деятельности в нескольких литературных родах, совершенно иного, большей частью не античного происхождения; как Пушкин мог вернуться к стилю *exegi monument* после труда в совершенно ином стилистическом направлении и, главное, когда думал он о ряде произведений не этого стиля? Уже в этом смысле «Памятник» Пушкина есть загадка.

Перед нами одно из явлений всей русской литературы: великие литературные традиции получают заключение и неожиданно новый смысл (бросающий новый свет и на старый смысл) — в русской литературе: «Памятник» Пушкина так же относится к Горацию, как, например, «Цыганы» к поэме Байрона, «Медный всадник» к «*Lady of the Lake*», «Преступление и наказание» к «*Splendeurs et misères des courtisanes*» * и пр. Это не первый случай, когда русское произведение поможет понять античное: русская аграрная поэзия, например, бросает новый свет на «Георгики» («Старайся наблюдать различные приметы...»; «Со степи зелено-серой...», «Когда труды и дни Аскрейский лебедь пел...») ²; «Медный всадник», поющий основание города, есть комментарий к *inferretque deos Latio genus unde latinum — albanique patres atqu'alta moenia Romae* **. Связь русской поэзии с античной есть коренная, не историко-литературная связь; поэтому такое чисто античное явление, как ода, в русской поэзии получило то же *поэтическое* значение, какое в других неоевропейских литературах она имеет историко-литературное: русские поэты снова — создали оду и все, что принадлежит оде; в числе прочего, но на первом месте, принадлежит оде тема о связи ее срока со сроком ею воспетого, т. е. государства.

* Поэма «Дева озера» В. Скотта; роман «Блеск и нищета куртизанок» О. Бальзака.

** *Вергилий*. Энеида. Кн. I, 6—7:

В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян,
Города Альбы отцы и стены высокого Рима.

(Перевод С. Ошерова). — *Сост.*

Что такое Горациев «Памятник»? Но прежде всего, что он *не* есть! Он не есть «гордое перечисление заслуг», т. е. он есть и это, но не есть (только) убеждение в бессмертии заветной лиры вопреки злобе и глупости поколения. Самосознание в высшей своей степени есть сознание неподвластности обстоятельствам и подвластности одним судьбам, т. е. глубокого своего родства решающему явлению всякой судьбам подвластной истории: государству. Пример грубого непонимания действительной темы «Памятника» — у Брюсова («Мой памятник... из стройных строф... и станов всех бойцы и люди разных вкусов... ликуя назовут меня Валерий Брюсов — о дружбе с другом говоря...») ³. Если даже все это верно, то это еще не есть то приравнение себя царям и дела своего — державам и судеб своего дела — судьбам держав, которое есть единственная тема «Памятника».

— *Exegi monument'*: само слово *памятник* гласит тему приравнения; цель памятника — создать слух у потомков; цель литературного честолюбия — та же; политическое и поэтическое сходятся, по крайней мере, на этом; но не только оповестить — стать символом того, что здесь достигнуто было великое, — общая цель монументальной архитектуры; конечно, это включает и оповещение, так что частично архитектура есть словесность, вследствие чего только и возможна сама тема. Эта тема есть, очевидно, тема о внутреннем споре между двумя типами «славы»; спор этот, собственно, родился со словом самим, ибо слово только как явление памяти и родилось, не будучи, однако, единственным явлением памяти. Одна из форм спора, например, камень на месте достопамятного события и — предание об этом событии. Но дело здесь не только в долговечности и что дойдет (по возможности не искаженным) до более отдаленных потомков, а также в достоинстве пути славы: спор между архитектурой и словесностью: одна становится метафорой другой (архитектура гласит «славу», но поэзия становится «памятником»). Спор этот есть тоже спор между официальным и неофициальным путем самопрославления государства: архитектура создается теми же, кто одержал победы и пр.; но словом владеет иная инстанция: рождается одна из величайших тем: певец и трон. К сожалению, мы слишком часто слушали ее одною стороною («властителю совластвует певец»; или неофициальность славы певца становилась учением о свободе вдохновения: «Не мне управлять песнопевца душой — певцу отвечает властитель — он...») ⁴, так как Шиллер был истинно певец, то он понял эту тему): но что думали об этом

цари (только не шиллеровский Карл VII, а Людовик XIV, Август, Николай I, фараоны)? Певцы же настаивали на неофициальности своей инстанции (теория свободы вдохновения), будучи согласны, конечно, с царями в том, что великие исторические дела — единственно достойный предмет песнопения; нормальным было поэтому свободное сожитительство, певец при дворе, с громадной амплитудой в определении его общественного положения (однако неофициальность оставалась при всех типах его). Создавалась теория необходимости певца для славы царствования (в этом убеждали еще Николая I, и *carere vate sacro* * стало несчастьем); гомеровская невинная нужда в певце для увеселения пира («Одиссея», VII) стала всегосударственной потребностью; архитектурным путем переданная в роды слава (включая и оповестительную надпись) неполна, отсюда притязания; в ответ притязаниям со стороны певца и гордость, и защита своей неофициальности. Это двойственное положение станет особенно неопределенным, когда цари будут заменены могущественным мнением, и начнется великий спор о поэзии, столетнее и поныне не решенное прение, которое восходит, однако, к молчаливому спору двух слав.

— *Aere perennius — regalique situ pyramid' altius — quod... fuga temporum* **. Спор развивается; надо различать *perennius* от *altius* ***; снова: не об одной долговечности, но и о достоинстве идет спор; для долговечности взята медь, но для достоинства — царица монументально-исторической архитектуры: пирамида. Тема долговечности потом развита, тема царственности — нет. И та и другая предполагают многое. 1) Тема долговечности, назвав *aes* ****, едкий дождь, разрушительную силу ветра и времени, предполагает цивилизацию, глубоко сродненную архитектурной деятельностью. Даже меди прочнее! Кстати, камень не назван, но слово *pyramid* (*um*) косвенно вносит его, чем объясняется возможность непосредственного перехода к дождю, ветру и времени, которые именно камню, а не меди вредны; так как архитектурное чувство так сильно, что разделенное само разделено (ск<ульптуры> медная и каменная), причем каменное детализировано с глубоким знанием дела; медь же детализировать не

* «Быть лишенным священного поэта» (см.: *Горацій*. Оды. Кн. IV, 9, 28). — *Сост.*

** «Долговечнее меди, выше царственного строения пирамид, который... бег времени...» (*Горацій*. Оды. Кн. III, 30, 1—5). — *Сост.*

*** *Perennius* — «долговечнее», *altius* — «выше» (*лат.*). — *Сост.*

**** Медь (*лат.*). — *Сост.*

нужно, ибо она, малозначительная по роли своей в монументальной архитектуре, есть только наиболее прочное из всего, что известно; камень же связан с жизнью царств. Выветривание камня предполагает еще взгляд шире местно-римского, в Италии вряд ли было много руин; но падшие цивилизации, камни Египта, Междуречья, Африки — вот образы погибших царств; римляне относительно них, скорее, в роли англичан в Индии: ученые властители-знатоки; отсюда такое знание всей науки о разрушении камня. Итак, ученый империализм — вот что предполагает тема долговечности. 2) Тема царственности: *altius*; явно предполагается здесь почти такое же представление о Египте, как и у нас. Тут надо припомнить историю; после 27 г. до н. э. Египет стал в представлении Запада страной могил, потому что политически с ним перестали считаться: *tu eris provincia in aeternum* *. Когда нужен символ неизбежного конца царств, вспоминают Египет; символом монументальной архитектуры он тоже стал уже для римлян; поэтому Лермонтов многие слова те же употребил, что Гораций: царственных могил (что у Горация предположено словом *regalis*).

— Итак, тема предполагает глубокий исторический опыт империалистического народа, владеющего землями бывших великих царств, опыт наследника. Найденное нами суживается: внутренний спор о долговечности и превосходстве певца с властью есть преимущественно спор с властью великой Империи **.

* Ты станешь навечно провинцией (*лат.*). — *Сост.*

** К этой теме спора обеих инстанций прославления: *Гораций*. Оды. Кн. IV, 8; Prop. Кн. III, 2:

*Nam neque Pyramidum sumptus ad sidera ducti,
Nec Jovis Elei coelum imitata domus,
Nec Mausolaei dives fortuna sepulcri
Mortis ab extrema conditione vacant.
Aut illis flamma aut imber subducet honores,
Annorum aut ictu pondere victa ruent
At non ingenio quaesitum nomen ab aevo
Excidet, ingenio stat sine morte decus.*

[Проперций. Кн. III, 2, 17—24:

Тяжким усилием до звезд вознесенная ввысь пирамида,
Славный Юпитера храм, вышних подобье небес,
Склеп Мавзола в своем роскошном великолепье —
Участи общей они — гибели обречены,
Или потоки дождей, иль пламя лишит их величья,
Или под тяжестью лет сами, сломившись, падут.

— Действительно, тема о величии поэзии только в великом государстве и может быть поставлена; великое же государство предполагает себя вечным и прошлые катастрофы считает не связывающими его: недаром оно есть Империя, чьими провинциями стали эти царства; в наставшем веке разума, когда науке править наконец научились, повторение гибели государств (объясняющейся неметодичностью прежних построений) будет избегнуто *. Поэтому римский поэт устанавливает абсолютное превосходство поэзии (в долговечности и достоинстве) лишь по отношению к державам Востока, и только из ряда восточных образов победоносно вырывается — *non omnis moriar* **. Начинается торжественное развитие установленного через анализ смертности архитектуры бессмертия своего: *usqu(e) ego* ***, мало того, в

Но не погибнет в веках талантом добытое имя:
 Слава таланта блеск вечным бессмертьем горят.
 (Перевод Л. Остроумова)]

Malherbe. Ode au Roi Henri le Grand, 1606:

Il ne faut pas que tu penses
 Trouver de l'éternité
 En ces pompeuses dépenses
 Qu' invente la vanité;
 Tous ces chefs d'oeuvres antiques
 Ont à peine leur reliques;
 Par les Muses seulement
 L'homme est exempt de la Parque;
 Et ce qui porte leur marque
 Demeure éternellement.

[*Малерб.* Ода королю Генриху Великому
 на счастливое и успешное окончание
 Седанского похода:

Дара вечности прекрасной
 Обрести не можешь ты
 В этой роскоши напрасной,
 В измышленьях суеты;
 Статуи, столпы, медали,
 Что когда-то созидали,
 Канут без следа во прах;
 То, что Муза лишь лелеет,
 Парки избежать сумеет
 И останется в веках.

(Перевод Д. Дмитриевского)]

* Отчасти это и есть гегелево «абсолютное несчастье римского государства».

** «Я не весь умру» (*Гораций.* Оды. Кн. III, 30, 6). — *Сост.*

*** «Непрерывно я...» (Там же. 30, 7). — *Сост.*

противоположность все стирающемуся пониманию памятников прошлых царствований, я буду вечно обновляться в своей славе и расти (*crescam*); в этом самое важное, там забвение (даже без едкости дождя) смысла, здесь вечный *renouveau* * смысла и торжественное рождение в каждом новом поколении. Как был велик этот человек, который так все это понял и решил навсегда вопрос этого «Лаокоона»! И вдруг Гораций свободно избирает союзника своего бессмертия; мы приближаемся к гребню оды: *dum Capitolium...* ** Значит ли это: «*пока...* а когда Рим умрет, то и я...»?

Нет, ибо это в одной фразе, без точки с *vitabit Libitinam* ***, и одно не противоречит другому; быть бессмертным и быть соевечным римскому государству — буквально одно и то же. Великий спор поэзии с государством решен: превосходнее монументальных государств, но равна (и в долговечности и в достоинстве) Империи разума ****. Превосходство поэзии над архитектурой есть *абсолютное* превосходство, но и Империя есть *абсолютное* государство.

— Только перевалив за этот гребень, Гораций говорит о заслугах — ибо что нужды было о них говорить, пока не установлены были основания бессмертия? Но теперь вполне установив, что вообще дело стоит речи, он сводит к кратчайшему и заслуги; их две: биографическая (*ex humili potens*) ***** и поэтическая (*deduxisse...*) **; замечательно 1) присутствие биографической заслуги, 2) то, что она на первом месте, 3) что она слита с поэтической и есть неразрывное с ней придаточное предложение, 4) что поэтическая заслуга — одна, а не перечислено их несколько. Но всего важнее, что все это вторая часть к более важной первой, где был установлен союз с римским вечным государством. Общий вывод: «Памятник» мог возникнуть только в государстве, почитавшем себя существенно вечным, т. е. в Империи ^{7*}.

* Обновление (*фр.*). — *Сост.*

** «Пока на Капитолий...» (Там же. 30, 8). — *Сост.*

*** «Избежит Либитины» (то есть смерти; *Гораций*. Оды. Кн. III, 30, 7). — *Сост.*

**** Близко к этому решение иного «Спора» (стихотворение М. Ю. Лермонтова 1841 г. — *Сост.*). Кавказ недоступен 5 цивилизациям Востока, но этим не решен вопрос о России.

***** «Из низкого состояния первый...» (Там же. 30, 12). — *Сост.*

6* «Перенес...» (Там же. 30, 14). — *Сост.*

7* Под Империей вообще можно разуметь государство, отрицающее свою подчиненность судьбам вследствие глубокого сознания своей разумности.

Державинский «Памятник» 1796 г., вообще говоря, возник из серьезного и исторически справедливого переживания той же темы. Начинает Державин переводом, отступления ничтожны и объяснимы техническими причинами*. Но вот на Капитолии первое расхождение. Понятны его основания, но не так легко понять, почему выбран именно этот признак — уважение к русским всей вселенной; надо перенестись в 1796 г.: обе турецкие войны, разделы, неучастие в войнах с французской республикой, неслыханное территориальное расширение, сладостное чувство первых успехов и сознание всеобщего удивления; у каждого народа своя внутренняя гарантия вечности, у римлян — современность, разумность новой организации, у русских екатерининского века — военная гарантия. В общем, эта строчка ** все же — еще перевод. Но дальше начинается разительное расхождение. Прежде всего, откуда эта географическая детализация? *** 1) Из ошибки: Дер-

* Ср.: Державин. «Монумент милосердию. (В память ген.-майора Наумова)», 1805:

Прейдут курения святыни,
И дни и времена пройдут,
Разрушатся столпы, твердыни,
На царства царства упадут;
Поищут дивной пирамиды
И не найдут, — а разве виды,
Иль мрачный в ней звериный лог.
Перун небес чему коснется, —
И медь и мрамор расплывется:
Противится гордыни Бог.

К стиху «Металлов тверже он и выше пирамид»: Сочинения Державина. СПб., 1865. Т. II. С. 524.

** Имеется в виду 4-й стих второй строфы «Памятника» Державина: «Доколь славянов род вселенна будет чтить». — *Сост.*

*** Приводим 3-ю, 4-ю и 5-ю строфы державинского «Памятника», о которых здесь и ниже идет речь:

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

жавин, плохо поняв ломоносовский перевод *, принял географические названия мест рождения за географические названия мест будущей славы **. Замечательно, что не исследовано обстоятельство столь решающего значения. 2) Из воспитанной всем XVIII в. тенденции сравнивать себя с Римской империей числом покоренных народов и географических названий. Тут XVIII в. пожал жатву всей великой истории расширения московского государства, особенно к моменту, когда Тихий океан... *** Вообще, это был век географии; географические экспедиции Академии наук, русские вслед испанцам и португальцам оставляют след в географической номенклатуре (величайший почет для народности), доканчивают исследование земного шара. Весь век полон сознания этого ****. Однако мало географической фантазии; если Державин связывает с географическими названиями свою будущую славу, очевидно, он владеет общим представлением о цивилизаторском призвании России среди этих пространств. Действитель-

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай. — *Сост.*

* Сочинения М. В. Ломоносова. СПб.: Изд. Академии наук, 1891. Т. 1. С. 164.

** Ср. предупреждение Nauck'a: *Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden. Lps.*, 1871. P. 180.

*** Фраза недописана. — *Сост.*

**** См.: Сочинения М. В. Ломоносова. Т. I—II. СПб., 1891—1893; Т. I. С. 83, 90, 127, 149—151 (из последнего ясно, что Рифейский хребет и перечень рек — почти в точности от Ломоносова:

На север и на юг, на запад и восток,
Где Волга, Днепр, Двина, где чистый Невский ток (Т. II. С. 89).

Желая то гласят берега Балтийских вод,
До толь где кажет свой Японцам солнце восход;
И от Каспийских волн до гор, где мраз насильный... (Т. I. С. 83).

За Обские берега вселенны,
Хребтом Рифейским заключенны... (Т. I. С. 90).

Возри в поля Свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет... (Т. I. С. 149).

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски копием... (Т. I. С. 151).

Соответствующее представление о Петре Великом см.: Сочинения М. В. Ломоносова. СПб., 1893. Т. II. С. 188—189.

но, Ломоносов сложил законченную систему мыслей о призвании России передать огонь, возженный в Греции и Риме, диким инородцам Азии. Вот почему у Державина «в народах неисчетных», т. е. в «Памятник» введены — инородцы. Итак, 3-я строфа объясняется и ошибкой частной, и общим самосознанием века. Но вопрос, введена ли была бы Державиным эта величайшая тема, если б не недоразумение, быть может, неразрешим.

— Осложняется же он «Лебедем» 1804 * = *Гораций*. Оды. Кн. II, 20 (см. с. 116 *Наук'а*). Как ни странно Горациево стихотворение, но перечисление народов есть уже у него (грузины, даки на Дунае, «крайние» гелоны на Днепре, иберы и люди на Роне), причем эпитеты иногда равны державинским и пушкинским (скрывающий страх перед римлянами = все, что бранью днесь пылают; *peritus* ** = «ныне дикий», но просвещенный, когда прочитает меня, т. е. у Горация *prolepsis*, а у Пушкина *apolepsis*⁵. Очевидно, тема русского XVIII в. была по-своему близка и римлянам — но знал ли Державин эту оду, когда писал «Памятник» 1796 г.? Все же, по-видимому, нет, потому что в «Памятнике» все объяснимо вышеуказанными 2 причинами; кроме того, в «Памятнике» реки (причем *все* — ломоносовские), а в «Лебеде» народы.

— Но как ни велико выясненное различие, 3-я строфа есть тоже «памятник» — именно римского характера русской истории екатерининского века: то же отвержение пирамид и тот же вольный союз со своей Империей; прибавляется территориальное и цивилизаторское понимание роли Империи, завещанное Ломоносовым и всей великой культурой географического века (а может быть, и «Лебедем» Горация), 4-я строфа тоже разительно отличается от Горация; биографическая заслуга («из неизвестности...» еще в 3-й) понята Державиным по сходству биографий, но поэтическая заслуга неожиданным образом детализирована. В «Моем истукане» 1794 г. спор «дел» с «пением» привел к незаконченной еще сознательности: пение велико, потому что воспеты великие дела; то же в «Приношении» 1795 г.: концепция эха. Но здесь совершенно иное: нельзя ставить ударение на «добродетелях — Боге — истину», а на «забавном... — сердечной простоте — с улыбкой», тогда получится горациева концепция единой заслуги, которой Державин достиг, победив ограниченность точки зрения 1794—1795 гг. Новая концепция историко-литературно безупречна, потому что, действительно, Державин создал, в пределах оды, те новые силы, которые, разрушив оду, привели к

* Сочинения Державина. СПб., 1865. Т. II. С. 498.

** «сведущий» (*Гораций*. Оды. Кн. II, 20, 19). — *Сост.*

созданию поэмы и романа: всякий историко-литературный разговор о Державине будет комментарием к этой строфе. Таким образом, и здесь восстановлена горадиева концепция; «разница же заслуг (*deduxisse* — «в забавном...») несущественна для оды; ей важно *princeps* = первый, и здесь Державин действительно есть русский Гораций.

— В 5-й строфе почти безразлично, что «заря бессмертия» не совсем равняется *Delphica lauro* *, но очень важно: «презрит кто тебя, сама тех презирай», чего у Горация совершенно нет: это отражение характера, ссор Державина, вечной войны с врагами, жалоб, опал... Но так как у Пушкина это превратится в печальную последнюю строфу, кончающуюся ужасным стихом, то эта *Laure* ** Державин приобретает зловецкий оттенок: тень дуэли 1837 уже пала на оду Горация.

— Общий вывод: Державин шел точным путем, не сбиваясь, считаясь — с русской историей, со своим собственным стихотворческим и биографическим прошлым, но твердо держась основной темы совечности судьбам царства, — вернее, бессудебности Империи.

4

В сравнении с этой честностью, прямоотой (вследствие которой, немного труда, и державинский «Памятник» понятен) пушкинский «Памятник» 1836, возможно, вообще понят быть не может.

1 ***. Нерукотворный — негорадианское лишнее слово, как у Державина «чудесный, вечный».

2. = *Aere perennius*. Но какая разница! Пушкин, очевидно, почти зрительно представляет свой памятник ****. Главное: введен образ разорения, опустошения, все тропы заросли, одна эта не заросла. Странный образ эсхатологического типа. Не сблизить ли с песней Мэри?

3. = *Altius*, т. е. теме превосходства: итак, и тема долговечности (2) и превосходства (3).

* «Дельфийским лавром...» (*Гораций*. Оды. Кн. III, 30, 15—16). — *Сост.*

** Прихоть, каприз (*нем.*). — *Сост.*

*** Здесь под цифрами 1, 2, 3, 4 имеются в виду соответственно 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стихи первой строфы пушкинского «Памятника», ниже также обозначены стихи последующих строф. — *Сост.*

**** Быть может, в связи с привычкой Пушкина к *зрительному* представлению памятников (статуя командора, Медный Всадник)?

4. Вместо пирамид неожиданно петербургская колонна! Это кризис всего поразительного, выше исследованного мною, различия египетского и римского, царства и Империи. Пушкин же спор делает национальным, оспаривает достоинство своей же Империи, ее столицы и ее главного исторического дела — 1812 г. Спор с архитектурой, мир с разумом Империи становится спором с архитектурой Империи самой — как будто Пушкин хочет отделить свое бессмертие от возможной смертности Российской империи. Из Горация Пушкин становится египетским, восточным поэтом... В связи с этим пропадает все богатство архитектурных терминов (медь, пирамида, *imber edax*, *Aquilo*, *diruere* *, время...), и весь мотив стянулся до 2—3 слов.

— Так, начав Горац<иевым> *exegi*, мы произвели полное разрушение его 1-й части.

— 2-я строфа снова ударяет в щит и извлекает горац<ианский> звук: *non omnis moriar* — чтобы сейчас же разложить тему.

1. «В заветной лире» = *multaque pars mei* ** — это еще некоренное различие, хотя слово «заветный» не по-горациански неопределенно.

2. Державинские слова, с большим даже латинизмом («убежать» с родительным падежом). Но совершенно выпало описание все растущего бессмертия, чудное представление об имени, которое волна передает все высшей волне. Почему?

3—4 есть великий кризис русского государства: Пушкин отказываются вручить свое бессмертие совечности русского государства и связывает его с бессмертием — а может, и смертностью? — поэзии самой. Это одна из самых грустных строк русской поэзии. Насколько это справедливо? Я думаю, что это нормально для поэта, перешедшего от оды к поэме и роману, т. е. от особой связи с воспеваемым восторженно государством к связи с кризисом его, нормальной темой поэмы и серьезного романа. Вдохновение так связано с судьбами народов, что было бы противоречиво связывать его с бессудебной Империей; Империя, где пролилась кровь Земфиры, Ленского, где сошел с ума Евгений, — не есть Империя, а царство, и бессмертно это вдохновение не по Империи, а по бессмертию Гомера, Тассо, Шекспира, Байрона, Державина — «хоть один пиит».

— Так и 2-я строфа не восстановила горацианства, безнадежно разрушившегося и здесь после первых слов.

* Едкий дождь, Аквилон, разрушать... — *Сост.*

** «Большая часть меня» (*Гораций*. Оды. Кн. III, 30, 6). — *Сост.*

— 3-я строфа, снова ударив в щит, *dicar **, сразу вплотную приближается к первой державинской реформе, и считается уже не с Горацием, а только с Державиным.

1. Отбрасываются моря — справедливо, это был пафос и гордость XVIII в., ныне морские границы России стали привычны и восторга не исторгают. Вместо протяжения с севера на юг Пушкин создает чудное слово: Руси великой, что в связи с перестановкой «обо мне — пройдет» дает стиху характер истинно ветра, воздвигшегося и обтекшего неизмеримый край **. «Великая Русь» может быть и после гибели Империи — вот мы, например, ныне в ней живем: Пушкин знал, что делал.

2—3—4 = «В народах неисчетных», но, кроме того, = 8-й строфе «Лебедя» ***. Пушкин почти без сомнения его знал: «ныне дикий» = «что бранью днесь пылают». Язык явно державинский — быть может, намеренно. *Пафос перечисления народов пережил пафос перечисления рек*: ломоносовская концепция передачи единой греко-римской цивилизации инородцам Азии выдержала испытание байронических поэм и «Евгения Онегина»; лучшая часть русского XVIII в. канонизирована навеки в этих строках. Зато отпал географический восторг «Петриады» и тех од.

— Капитолий, замененный у Державина победами русских и пр., нашел окончательную замену в бессмертии Руси, цивилизующей Азию. Союз, не заключенный с Империей, заключен с вечностью иной Руси.

— 4-я строфа; *incedo per ignes *****. Обычное понимание. Венгерское: все переносится на то, что зачеркнута строка: «что звуки новые...», М. Гершензон⁶.

Прежде всего, нет биографической заслуги, т. е. нет аристократической гордости XVIII в<ека>, который так простосердеч-

* Обо мне скажут (*Гораций*. Оды. Кн. III, 30, 10). — *Сост.*

** И ритм этого стиха есть ветер. «Слух пройдет обо мне» — вход в стих завален: «слух обо мне пройдет» — камень отвален, ветер «слуха» врывается, продолжается до конца: *всей Руси = слух*; и умирает на рифме «ве-ликой», которая неизбежно звучит как «клики», т. е. на новый лад длит фонетическую тему слуха.

*** Сочинения Державина. СПб., 1865. Т. II. С. 501.

**** «Ступаю там, где горит» — парафраз стихов Горация (*Гораций*. Оды. Кн. II, 1, 6—8):

Об этом ныне с гордой отвагою
Ты пишешь, по огню ступая,
Что под золою обманно тлеет.

(Перевод Г. Церетели). — *Сост.*

но дивился себе, достигнутой славе... переходу от безвестности к славе. Итак, кризис биографии: отступление и от Горация и Державина, отказ быть римлянином, с чудесной судьбой (ср., конечно, «Послание кн. Юсупову» 1830: тут только можно понять, из каких глубоких размышлений произошел этот пропуск). Затем снова державинское перечисление нескольких писательских заслуг—но есть ли объединение их и восстановление горац<иевой> концепции единой заслуги?

1. = «всяк будет помнить то» = *dicar*. Итак, *новое* понятие любви. Неудивительно, что Гершензон понял строфу как иронию. Действительно, это ново; но опровергается ироничность тем, что «к нему не зарастет народная тропа» тоже свидетельствует о любви: итак, с самого начала у Пушкина заслуги заменяются любовью.

2. Спор обеих редакций есть действительно знаменательный факт и совпадает со спором двух знаменитых партий. Редакция «звуки новые» была почти переводом из Горация; вторая редакция есть решающая перестановка всей темы заслуг, соответствующая, мне кажется, замене императорской России великой Русью: предвидено рождение второй русской литературы, призванной учить добру будущие, быть может еще не рожденные, племена Азии. Вручая свою славу Руси великой, надо решительно преложить исторический ее характер в нравственный. Нет бессмертных государств (в этом смысле нет Империй), но есть будущий круг народов, и надо решительно взглянуть на себя с *их* (а не условно-империальной) точки зрения.

3. Становится ясно *только* с перемещением зрения в неисчетно будущие времена: в мой (отдаленный, ранний) жестокий век. Этот стих есть долгий просвет в отдаленное будущее мира. Пушкин действительно осуществил задачу России: закончить начатое античностью и передать неведомому будущему других рас, которые через социализм вступят в новую жизнь и поэтому так и будут оценивать, как здесь показано. Все это не ирония, но окончательно, отчасти Гершензон прав: это отречение от славы любимого старого типа, союзной со славным, могущественным, вечным государством, и переход к иной будущей оценке; которой не будет дела до «звуков новых», а только до добра и любви.

4. Также точка зрения каких-то будущих людей в царстве уже осуществленного добра, оглядывающихся на XIX в, как мы на Римскую империю. Таким образом, единство заслуги есть и у Пушкина, только неожиданное: не свое, а покорившееся чрез отречение. Горац<иев> принцип осуществлен, но пересечение, дающее единство, лежит вне обозримого круга истории.

— Вся строфа, приносящая «звуки новые» в жертву любви и милости, есть у Пушкина то же, что отречение Гоголя и Льва Толстого в их жизни: основатель — он — великий — предвидел и этот главный кризис русской литературы, обещающий ей бессмертие в «Руси великой» любви и милости (равно как предвидел уход Льва Толстого в «Однажды странствуя...»). Гораций пожертвовал пирамидами ради Империи, Пушкин — Империей ради неведомого ему мира, который иначе, не как он сам, поймет его и с чьим пониманием он заранее, отрекаясь, соглашался. Стоя в устье Империи, Пушкин развязал связь свою с ней и вступил в вольный союз с вечностью Любви. Так как всякий «Памятник» есть искание наиболее устойчивого, с чем можно связать свою поэзию, отвержение недолговечного и обретение безусловной связи, — то, несмотря ни на что, пушкинская ода есть, действительно, «Памятник» и все ж верна гению Горация.

— 5-я строфа заменяет Музу — Мельпомену отречением и смирением.

1. Строка смирения. Веление Божие то, что нет для Пушкина полной беспримесной славы, какую вкусили певцы законченных цивилизаций. О судьбе Тасса, Камознса, Вергилия, Державина! Пушкин только такой и хотел, потому что его гений был гений условный (исторических) времен. Но веление Бога послало его в мир в час исхода, и, умирая, он провидел безусловное будущее. Муза (о дорогая нам Муза, прилетавшая тогда, — там «весной при кликах лебединых — близ вод сиявших в тишине — являться Муза стала мне») обижена, и надо мириться с нею, убеждать ее покориться новым временам. Не Муза имеет инициативу речи, а поэт, и учит он — ее... О превращение всех классических понятий! Впервые поэт стал умнее Музы и знает нечто, чего не знает она, — что Гомер считал невозможным. Этот обратный диалог поэта с Музой создаст вторую русскую литературу — ту, которая призвана быть руководителем к добру малых сих и падших.

2. «Не требуй венца» буквально противоположно повелительному наклонению *singe* * и «венчай». Но в новой концепции слава как увенчание теряет смысл. Венчает только бессмертное государство; с ним вместе отпадают и венцы. Люди же будущего будут не венчать, а любить (см. выше «любезен»). Но как склонить, как утешить бедную Музу, лишенную венца? Ее горе неутешно. А кругом еще «обида» — ибо державинское «презрит» разрослось из полубутады в центральный факт жизни Пушкина, и то, что было «неуживчивость» у того упряма, стало «жаждой

* «Увенчай» (*Гораций*. Оды. Кн. III, 30, 16). — *Сост.*

мести» у великого. Враги в поколении, друзья в будущем — но не друзья Музы. О сердечно-любимый, о лучший из людей, кто скажет твои страдания?

3. Не предусмотрен ни Горацием, ни Державиным, потому что «равнодушно» принадлежит только отречению. Зато он предусмотрен «Сонетом» 1830 г. (тверд, спокоен и угрюм).

4. Предусмотрен альбомом Онегина. О праведный Боже, «Памятник» заканчивается цитатой из альбома Онегина...⁷

— Вот чем стала III часть — слава. Среди враждебно вооруженного мира, одна оборона. А в отдаленном будущем неизвестные, но провидимые судьбы бессмертия — чрез смирение покорившейся Музы.

5

Все верно до слова. Эти люди не солгали ни один. Все три сказали точную правду. Только четвертого уже не будет, потому что Муза отлетела, и после Пушкина отношения поэта к поэзии не суть отношения к Музе. Кончилась 3000-летняя история. Как установить будущее? Кто заменит Музу? Об этом только возможны методические предположения на общую тему, завещанную нам Пушкиным: о месте поэзии в абсолютной цивилизации.

* * *

Это место элементарно предудказано явлением романа; роман есть эпическое произведение, не внушенное Музой, т. е. писанное не для прославления. Поэтому роман так связан с тем, что называют реализмом.

